Инна Герасимова

МАРШ ЖИЗНИ

КАК СПАСАЛИ ДОЛГИНОВСКИХ ЕВРЕЕВ

CORPUS

Инна Герасимова

Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев

«Corpus (АСТ)»
2016

УДК 94(476)"1941/1944"
ББК 63.3(2)622

Герасимова И.

Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев /
И. Герасимова — «Corpus (АСТ)», 2016

ISBN 978-5-17-095128-4

“Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев” – уникальное историческое расследование. Инна Герасимова не только с точностью хрониста фиксирует происходившее с евреями в Белоруссии на территориях, занятых фашистами. Автор насыщает повествование свидетельствами очевидцев, и это одушевляет прежде немые статистические данные.Политрук-партизан Николай Киселев взял на себя ответственность за перевод через линию фронта более 200 евреев (недавних узников гетто). Что предшествовало такому решению и чем оно обернулось? Почему случившееся почти 75 лет назад кровоточит до сих пор? Инна Герасимова, следуя – шаг за шагом – за своими героями, узнала ответы на эти вопросы.

УДК 94(476)"1941/1944"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-17-095128-4

© Герасимова И., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Павел Полян 5
От автора 11
История поиска: почти детектив 14
Местное население и евреи на территории оккупированной Белоруссии. 1941–1944 годы 18
Уничтожение белорусских евреев 18
Отношение местного населения к евреям: помощники, коллаборанты, наблюдатели 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Инна Герасимова
Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев

Павел Полян
Суражские ворота, или Список Герасимовой

В этой книге уникально буквально все, кроме разве что желания горстки беззащитных людей, на которых объявлена смертельная охота, выжить вопреки всему и уцелеть.

Уникальна оперативная ситуация, породившая не только необходимость, но и возможность Марша жизни.

Уникален и он сам как таковой, его время и место.

Уникален и его главный герой – русский политрук Николай Киселев.

Но уникален и автор, Инна Герасимова – первооткрывательница темы.

Да и у самой книги, как у проекта, тоже нетривиальная судьба.

1

В годы Второй мировой войны люди, на жизнь которых объявили охоту, – это евреи и, чуть позже, цыгане, а на территории СССР еще и комиссары, то есть большевистские функционеры. Национал-социалистическая мечта, собственно, состояла в избавлении от европейского (а в перспективе и мирового) еврейства. Когда “географическая” стратегема окончательного решения еврейского вопроса (депортация с глаз долой!) показала себя несостоятельной, перешли к “биологической”: массовое и технологичное, по возможности недорогое убийство и ликвидация его следов. Это не исключало временного сохранения жизни тем евреям, чьим трудом еще можно было воспользоваться на пользу Рейху, и подразумевало создание инфраструктуры как по уничтожению евреев, так и по трудоиспользованию трудоспособных из их числа (гетто, концлагеря, лагеря смерти).

Понятно, что у евреев в людоедских условиях немецкой оккупации была прямо противоположная цель и мечта: сохраниться, уцелеть, выжить! Но какая стратегия для этого эффективнее – та, что практиковало большинство юденратов[1], готовых откупаться в своих гетто все новыми и новыми евреями, или политика партизан-сопротивленцев, предпочитающих “смерти на коленях” – “гибель стоя”? Что стратегически правильнее – боясь смерти, терпеть, унижаться и выторговывать каждую еврейскую жизнь за счет еврейской смерти или, не боясь смерти, бороться за каждую жизнь с риском погибнуть в бою? Или, вывернув вопрос наизнанку: играть или не играть в шахматы с дьяволом?

Если первых, вслед за Владимиром Порудоминским, называть “прагматиками”, а вторых “героями”, то нельзя не признать, что не только “прагматики” имеют на совести бессчетно гекатомб из стариков и детей, отданных как отступное за жизни стариков и детей из своей мишпухи, а также молодых и трудоспособных, но и за каждый партизанский подвиг жизнями своими рассчитывались заложники в тюрьмах и собратья-невольники в гетто. В действитель-

[1] Еврейские советы, по приказу немцев организованные в еврейских общинах в оккупированных нацистами странах Европы. Юденраты несли ответственность за проведение нацистской политики по отношению к евреям. Эти советы часто должны были балансировать “между двумя огнями”: с одной стороны, пытаясь отстаивать интересы еврейского населения, с другой – выполняя распоряжения нацистских властей, часто за счет других евреев.

ности этих полярных крайностей-типов не существует, они перемешаны друг с другом. А точнее, сосуществуют внутри каждого отдельного еврея. И решающим становится то, какую пластичность и какую пропорцию того и другого он находит для себя допустимым.

“Героям” без “прагматиков” трудно с чисто прагматической точки зрения: для успеха их деятельности всегда полезно иметь прикрытие в виде удостоверения полицейского или иной хорошей ксивы. Но и “прагматикам” позарез нужны “герои”: все они признают и сопротивление тоже, но как последнюю возможность, как крайнее средство, к которому прибегают тогда и только тогда, когда все остальные, не оправдав надежд, себя исчерпали (и когда, собственно, поздновато перестраиваться).

Сопротивленцы и партизаны в глазах “прагматиков” – опасные сумасшедшие и провокаторы, играющие с огнем. Их бессмысленные героизм и жажда подвига во имя еврейского народа вызывают у них отторжение и протест, ибо мешают проводить столь мудрую политику малых уступок и полезности палачам. Они как бы спрашивают у оппонентов-“героев”: “Ну что, много евреев спаслось после Варшавского восстания?”

Но и “герои” (останься они живы) могли бы чуть позже у них спросить: “А много ли спаслось в вашем гетто?” Сегодня мы уже твердо знаем, что все большие гетто – все до единого! – были ликвидированы: последним из них было гетто в Литцманнштадте-Лодзи, окончательно проглоченное – в том числе аушвицкими газовнями и крематориями – только в августе 1944 года.

Иными словами, вся борьба “прагматиков” сводилась, в сущности, к установлению очередности смерти и управлению этой “очередью”. Блатной закон “Умри ты сегодня, а я завтра”, в сущности, ничем от этого не отличается. (Что ж, и это, в глазах “прагматиков”, имело смысл: как знать, а вдруг завтра, а может, послезавтра произойдет нечто такое, что спасет? В то же время слабое место в рассуждениях “прагматиков” – необъяснимая уверенность в “добропорядочности” СС, и прежде всего в том, что кто-кто, а именно они умрут последними – и “послезавтра”.)

Колоссальной слабостью “прагматического” подхода является его этическая сторона. Порудоминский пишет о

> …нравственном пределе, переступив который, человек обрекает себя на жизнь, утратившую главные человеческие ценности, самый смысл бытия….

А ведь каждая акция в гетто – это пролог к селекции в Аушвице.

Впрочем, никто еще не посчитал распределение выживших евреев по способам их спасения – сколько в лесу и укрытиях и сколько на пепелищах оставленных нацистами гетто и концлагерей? – но уже самый факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство и надежду, веселил и возвышал истерзанную душу.

2

Только не надо себе представлять ситуацию так, что все дело в еврейском выборе: если решили уйти к партизанам, то собрались и ушли. Да нет же! Там их никто не ждал и никто не был им рад. И причина не столько в субъективном партизанском антисемитизме (хотя и его было с избытком), а в объективном раскладе. Единичные евреи, крепкие и молодые, еще могли рассчитывать на нейтрально-дружественный прием, особенно если они пришли с оружием в руках, а вот у их родителей, дедов, невест, у их младших братьев и сестер шансы на то, чтобы быть принятыми, совершенно иные – практически нулевые. Партизанская жизнь – это не пионерлагерь с пионервожатыми и не турпоход с песнями под гитару, это каждодневно и ежесекундно реальный риск быть окруженными или убитыми, необходимость и готовность сниматься с места за полчаса и совершать многодневные марш-броски. Все это мишпухе из

гетто заведомо не под силу, и отряд, который брал на себя ответственность за еврейский стан, словно надевал на себя вериги. Так что не приходится удивляться тому, что случаи подобного гостеприимства были крайне редкими, а если случались, то, значит, или весь отряд был еврейским (бывало и такое!), или евреем был его командир или кто-то реально влиятельный из его штаба.

Вообще-то партизаны в белорусских лесах очень многое себе позволяли. Чуть ли не всю войну в республике существовали большие зоны, де-факто свободные от оккупантов и где сохранялась советская власть. В разные периоды войны – это Октябрьско-Любанская и Кличевская зоны (глубокой осенью 1941-го), Суражская, Ивенецко-Налибокская, Рассонско-Освейская, Сенненско-Оршанская и Полоцко-Лепельская (в 1942 году), а в начале 1943 года – еще и Борисовско-Бегомльская. По сведениям Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), к началу 1943 года партизаны фактически контролировали около 50 тысяч квадратных километров, а на конец 1943 года – 108 тысяч квадратных километров, или почти 60 % оккупированной территории Белоруссии! В партизанских районах Беларуси проводилась даже рутинная мобилизация населения в Красную армию!

По ходу своих классических операций (пускание поездов под откос, засады на дорогах, налеты на села с немецкими гарнизонами, освобождение своих людей, схваченных накануне захватчиками) они нередко отбивали сотни угоняемых в Германию остарбайтеров (или остовцев), приготовленных к отправке или уже отправленных на запад. Зато освобождения местечек с гетто и геттовцами они старались избегать – по вышеизложенным причинам.

Поэтому случай русского партизана лейтенанта Павла Васильевича Пронягина – исключение, а не правило. 22 июня 1941 года настигло его, командира стрелкового взвода, под Барановичами. Попав под станцией Бытень в окружение, он организовал партизанскую группу. С весны 1942 года Пронягин – уже командир отряда им. Щорса, а с апреля 1943 года – начальник штаба Брестского партизанского соединения. Одна из ярких страниц боевой деятельности отряда – спасение летом 1942 года, накануне акции по их уничтожению, нескольких сот узников гетто в Коссово. Одна из рот его отряда была почти полностью еврейской.

Но практически все еврейское население Белоруссии было уничтожено. Из примерно 15–20 тысяч белорусских евреев, переживших Холокост, не менее половины – около 10 тысяч – как раз евреи-партизаны, еще около 3 тысяч спаслось в лесных семейных лагерях, располагавшихся рядом с партизанскими отрядами или под их защитой, но не входивших в их состав.

Ситуация же, с которой история и белорусские партизаны столкнулись в случае со спасенными ими долгиновскими евреями, была иной. Чуя грядущие казни, они сами, кто только мог, убежали из гетто в лес и сами создали там семейный лагерь. Встретив партизан, молодежь стала проситься в отряд, но принимали очень немногих. Принимал их как раз Николай Киселев, формировавший из бывших военнопленных и окруженцев, слонявшихся по лесам, новый партизанский отряд “Победа”.

Кто-то, а точнее комиссар отряда “Мститель” Иван Матвеевич Тимчук, был в курсе существования Суражских ворот (см. ниже) и предложил вывести семейный еврейский лагерь за линию фронта. Идея не то чтобы понравилась, но ее, во всяком случае, не отвергли, а Киселев согласился ее осуществить – под обещание звания Героя Советского Союза. И вот к середине августа, собрав более двух сотен “семейников” из окрестностей отрядов “Мститель” и “Борьба”, он с маленькой группой сопровождающих двинулся в путь.

3

Весьма существенным фактором в организации и осуществлении Марша жизни стало наличие в этот период 40-километрового разрыва в линии фронта противника, на стыке групп его армий “Север” и “Центр” между Велижем и Усвятами, населенными пунктами, располо-

женными близ города Суража Витебской области и за северо-восточной границей БССР, но уже в РСФСР (соответственно в Смоленской и Калининской областях).

Этот разрыв, получивший название Суражских (или Витебских) ворот, образовался в результате синхронизированного наступления 4-й ударной армии Калининского фронта в ходе Торопецко-Холмской операции и освобождения прифронтовых районов партизанами Витебской области. Этот труднопроходимый и болотистый участок был мало пригоден как для наступления, так и для обороны: окажись он не на стыке двух групп армий, а в зоне действия любой из них, он наверняка был бы закрыт гораздо раньше. А так получилось, что ворота были открыты на протяжении аж семи с половиной месяцев – с 10 февраля по 25–28 сентября 1942 года!

Надо ли говорить, какое огромное значение они имели для белорусских партизан, осуществлявших через них связь с Большой землей… Естественно, что в деревнях непосредственно у выхода из Суражских ворот разместились многие партийно-партизанские штабы, представлявшие на месте как Большую землю, так и партизанскую вольницу. И прежде всего – отделы самого БШПД, а также Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б под руководством секретаря ЦК Компартии Белоруссии Григория Борисовича Эйдинова, Витебский подпольный обком, группа Минского подпольного обкома партии, даже некоторые райкомы. Своего рода столицей “створа ворот” была деревня Пудоть, где помимо партизанского начальства размещались и партизанский госпиталь на 50 коек, и мастерские по ремонту оружия, пошива одежды и обуви, а также магазин и столовая.

Через Суражские ворота наладилось интенсивное и двустороннее движение. На запад, в тыл врага уходили многочисленные диверсионные группы, переправлялись оружие и боеприпасы, медикаменты и литература для партизан. А на восток, на Большую землю шли партизанские связные с донесениями и разведданными, целые отряды на отдых и переформирование, на лечение раненых и больных, а также обозы со скотом и продуктами для Красной армии, отобранными у местного населения или захваченные у фашистов, перед этим отобравших их у тех же самых крестьян.

Согласно Энциклопедии истории Беларуси, за время существования Суражских ворот через них в тыл, на восток вышло около 200 тысяч человек. Тысячами шла на восток молодежь, мобилизованная в Красную армию, а отчасти и другие мирные жители, которым уже не найти покоя дома, в частности отбитые партизанами остовцы.

БШПД строго контролировал и определял все движение через ворота, назначал места дислокации для различных групп или одиночек. Партизаны прилагали немало усилий для сохранения ворот, для чего минировали или даже уничтожали все “лишние” мосты и дороги.

Но ранним утром 25 сентября 1942 года, назавтра после того, как долгиновский Марш жизни пересек створ Суражских ворот и разошелся на ночлег по Пудоти, Дроздам и другим деревням, немцы перешли в наступление и приступили к насильственному закрытию этой вредоносной для себя дыры. Они это сделали к 28 сентября, но за это время Киселев собрал свой отряд (увы, не без потерь) и увел его дальше на восток, пока не привел в Торопец. Узенькая, во времени и пространстве, щелочка как будто разверзлась перед ними, как некогда Красное море перед Моисеем, и, пропуская, даровала 218 из них жизнь.

Позднее, когда главное дело было сделано и люди спасены, Николай Киселев стал по праву хлопотать о признании заслуг своих и всей группы сопровождения. И когда он лоб в лоб столкнулся со смершевской подозрительностью и главпуровской идеологией, наш герой дрогнул и на всю оставшуюся жизнь фактически замолчал. Инна Герасимова всмотрелась в его документацию и четко увидела, как

> …характеризуя свою деятельность во время войны, все большее значение он придает работе в подполье, созданию партизанского отряда “Победа”, политико-просветительской работе в партизанах и т. п., тогда как

> главное из того, что он действительно совершил – вывод евреев через линию фронта, – обозначается всего одной строкой, к тому же с формулировкой “мирные советские граждане”.

Этот зазор между правдой и ее декорумом по ходу жизни все более и более возрастал: ведь Киселев как выездной сотрудник Минвнешторга не должен был иметь на своем кителе ни малейшего “пятнышка”!

4

Уникален и автор книги – Инна Павловна Герасимова.

Она окончила искусствоведческий факультет Белорусского театрально-художественного института и работала преподавателем художественных училищ в Бобруйске, Твери и Минске. С 1992 года судьба связала ее с иудаикой и проблематикой Холокоста: она участвует в программе “Мелтон” в Иерусалимском университете, работает в Израильском культурно-информационном центре в Минске, преподает в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка. В 1996 году Инна Павловна защитила в Минске кандидатскую по теме “Еврейское образование в Беларуси в XIX – начале XX века”. С той поры в Беларуси и других странах она выпустила более 150 монографий и статей, составила и отредактировала 6 выпусков научного сборника “Евреи Беларуси. История и культура”. На протяжении ряда лет Герасимова входила в Правление еврейской общины Беларуси и возглавляла Республиканский фонд “Холокост”.

В 2002 году Инна Павловна выступила инициатором создания Музея истории и культуры евреев Беларуси и до 2012 года являлась его директором. Сегодня музей – это признанный центр изучения иудаики.

В 2008 году награждена специальным дипломом Института Катастрофы и Героизма еврейского народа Яд Вашем (Иерусалим) за работу в Проекте увековечивания имен евреев, погибших в период Холокоста на оккупированной территории бывшего СССР. В 2011 году избрана действительным членом Правления Еврейского исторического института в Польше.

С мая 2012 года она проживает в Германии, где продолжает заниматься научными исследованиями, а также общественной и просветительской деятельностью.

Инна Павловна Герасимова – бесспорный первооткрыватель темы, которой посвящена эта книга. Все счастливые якобы случайности происходят только с хорошо подготовленными к ним людьми. Такова и “случайная” встреча Герасимовой с Шимоном Хевлиным в музее: окажись на ее месте кто угодно другой, встреча не возымела бы никаких последствий. Но Инна Павловна мгновенно осознала всю ее значимость и оценила историко-научный потенциал. Все последующее: и установление связи с теми, кто выжил после этого Марша жизни (или же с их детьми), и отыскание детей Николая Киселева, даже не подозревавших о подвиге отца, и архивная разработка темы, и инициация присвоения Киселеву звания Праведника Народов Мира – на этом фоне могло бы показаться лишь делом техники. Но могу засвидетельствовать, насколько и это не совсем так: получая личные документы своего героя в архиве Министерства экономического развития и торговли РФ, Инна Павловна явно не понимала, что это – один из самых закрытых архивов страны!

Как первооткрыватель, Инна Павловна была не слишком озабочена ни закреплением своего приоритета, ни приданием всему собранному ею какой-то адекватной публичной формы. Она щедро делилась своими знаниями и с многочисленными газетчиками, и с обратившимися к ней киношниками.

Как ни странно, мне пришлось долго уговаривать Инну Павловну взяться за рукопись. Добавлю, что по разным причинам путь к настоящему изданию оказался не гладким.

Между тем публикации о Праведнике Народов Мира Николае Киселеве делают свое дело, и память о его подвиге делает новые успехи. В Долгинове его именем названа улица, а в башкирском Благовещенске, в сквере его имени открыт памятник. В Москве в 2014 году в честь Николая Киселева также был назван один из новоарбатских скверов и заложен мемориальный камень.

Книга Инны Герасимовой “Марш жизни” – важное звено и в этой цепи. Но ее значение не ограничивается Николаем Киселевым как одиночным героем, которого так нелепо, легко и бездумно сравнивают почему-то с Оскаром Шиндлером. Это памятник всему Маршу жизни как исторически беспримерному феномену, памятник героизму как всех ведущих – группы сопровождения из партизанской бригады “Народные мстители”, так и всех ведомых – дошедших и недошедших.

От автора

В 2008 году в Москве, а затем на кинофестивалях в России и за рубежом был показан документальный фильм “Список Киселева. Спасенные из ада”[2]. Позже его перевели на английский язык. Фильм получил признание не только у специалистов, о чем свидетельствуют многочисленные призы и награды, но и у широкой публики.

Фильм рассказывает о том, как русский партизан Николай Киселев и 13 его товарищей осенью 1942-го вывели через линию фронта более 200 евреев – в основном женщин, детей, стариков[3]. Более двух месяцев длился многокилометровый поход по оккупированной немецкими войсками территории Белоруссии. Ничего подобного за все время Второй мировой войны не было.

Фильм основан на воспоминаниях евреев – участников похода с их личной историей спасения. Однако в стороне остались многие факты и ситуации, без которых невозможно понять причины, способствовавшие в этом конкретном случае спасению от гибели тех, чья судьба на самом деле не волновала никого. Ни руководство страны, ни руководство партизанского движения, ни местное население даже не пытались помочь спастись от неминуемой гибели тем, кого нацисты уничтожали только за их происхождение – за то, что они родились евреями.

Так почему же тогда большая группа евреев была спасена несколькими партизанами?

В этом единичном случае отразились многие аспекты истории белорусского еврейства в годы немецкой оккупации. Кроме того, изучение этого факта через призму истории оккупационного периода Белоруссии дает возможность представить различные проблемы взаимоотношения местного нееврейского населения, партизан и евреев. Об этом не принято было ни говорить, ни писать все долгие десятилетия после окончания войны и до наших дней. Да и сегодня, когда уже существует огромный массив книг и статей о войне и оккупационном периоде на территории Беларуси, эту тему современные исследователи стараются аккуратно обойти.

Вопрос помощи евреям и возможности спасения их от уничтожения в годы войны даже не рассматривался руководством страны, а вот Николай Киселев с товарищами, не подозревая об этом, взяли и благополучно разрешили его!

Каким образом им удалось это сделать? Как складывались дальнейшие судьбы спасенных и спасителей? Почему столько десятилетий эта история была неизвестна?

Надеюсь, эта книга поможет ответить на эти и многие другие вопросы.

Основой исследования являются документальные материалы, найденные автором в архивах Минска и Москвы, воспоминания, записанные во время встреч в Беларуси и Израиле с участниками перехода, многочисленные воспоминания и документы руководителей партизанского движения, командиров партизанских отрядов и рядовых партизан. Сохранившиеся документы и материалы, бесспорно, несут на себе печать своего времени, но, взятые вместе, дают выпуклую картину главного события, которому посвящена книга.

С того момента, когда в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) были найдены первые документы о спасении большой группы евреев, до завершения исследования прошло около 10 лет. За эти годы мне пришлось провести много времени в архивах и библиотеках Беларуси, России и Израиля, изучить большое количество документов, книг и статей, а главное – отыскать живых людей – свидетелей и участников событий, а также сотрудников

---

[2] Производство кинокомпании “АБ-ТВ”. Режиссер Ю. Малюгин. Продюсер Я. Каллер. Автор сценария О. Шапарова. Оператор С. Стариков. См. в Сети: https://www.youtube.com/watch?v=SwXIMgYplI8

[3] В различных архивных документах – отчетах Н. Киселева, показаниях других партизан, материалах Белорусского штаба партизанского движения – варьируется количество выведенных евреев партизанами под руководством Н. Киселева через линию фронта от 270 человек до 218 семей. В дальнейшем тексте книги (кроме цитируемых документов) при определении количества спасенных людей автор использует термин “свыше 200 человек”.

музеев, историков и специалистов в разных областях (например, финансистов и дипломатов!), чьи воспоминания, профессиональные советы и замечания помогли лучше понять особенности этой истории.

Искренние слова благодарности я адресую в первую очередь тем участникам Марша жизни с Николаем Яковлевичем Киселевым, кто, несмотря на годы, болезни и тяжелые воспоминания, рассказал об этом походе. Многих из них, к великому сожалению, сегодня уже нет.

Я благодарю Шимона Хевлина (США) за постоянную многолетнюю поддержку и помощь в поисках свидетелей и участников похода, а также в хлопотах по присвоению белорусским спасителям и Николаю Киселеву звания Праведника Народов Мира.

Благодарю израильтян Виктора Дименштейна, Илью Родошковича, Эмму Меерсон (Дуберштейн) за понимание, терпение и стремление помочь во время долгих интервью.

Выражаю искреннюю признательность сыну известного партизана, Героя Советского Союза Ивана Тимчука – Борису Тимчуку (Минск), дочери партизана Файвла Соломянского – Орне Шуман (Израиль), дочери партизана Абрама Александровича – Любови Костюченко (Вилейка, Беларусь); участнику Великой Отечественной войны Владимиру Шумейкову (Казань) за бесценные документы, переданные мне.

Выражаю особую благодарность за предоставленную возможность изучения архивных материалов и помощь сотруднику Национального архива Республики Беларусь Вячеславу Селеменеву, директору Департамента управления делами Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации Станиславу Кузнецову (Москва), ученому секретарю Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН Александру Казанчиеву (Уфа).

На протяжении многих лет неоценимую помощь оказывали мне коллеги по Музею истории и культуры евреев Беларуси: Елизавета Кирильченко, Мария Мовзон, Михаил Израильский, Михаил Аккерман и Вадим Акопян (его нынешний директор). Благодарю моих друзей – Валентину и Сергея Мороз (Минск) за постоянную поддержку и помощь, без которой многие мои идеи остались бы нереализованными.

Искренняя благодарность историку Павлу Поляну (Москва) за настойчивость в стремлении увидеть рукопись этой книги, помощь и поддержку в превращении рукописи в книгу.

Отдельная благодарность и признательность моему мужу Марксу Пикману за понимание, поддержку, помощь и терпение в годы работы над книгой.

В книге приняты следующие сокращения и аббревиатуры:

АМО – Архив Минской области Республики Беларусь, Минск.
АМЭРиТ РФ – Архив Министерства экономического развития и торговли РФ, Москва.
б/п – беспартийный.
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика.
БШПД – Белорусский штаб партизанского движения, Москва.
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи.
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
И. Г. – Инна Герасимова.
КП(б)Б – Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
МИиКЕБ – Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси, Минск.
МВТ – Министерство внешней торговли СССР, Москва.
НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь, Минск.
ОК – областной комитет.
п/о – партизанский отряд.

ПВС – Президиум Верховного Совета СССР, Москва.
РК – районный комитет.
РФ – Российская Федерация.
СНК – Совет народных комиссаров СССР, Москва.
ЦК – Центральный комитет.
ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения, Москва.
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан.

История поиска: почти детектив

Занимаясь в архиве поисками материалов о партизанском движении, я в 2002 году случайно обнаружила документ – письмо политрука Николая Яковлевича Киселева, посланное в 1944 году первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко[4]. В нем политрук рассказывал о своем участии в партизанской борьбе в Белоруссии и среди прочего кратко изложил историю вывода через линию фронта в 1942 году группы евреев, бежавших из гетто местечек (деревень) Долгиново, Илья, Княжицы Вилейского района Минской области. Рассказал Киселев и о подпольной организации в Илье, среди членов которой были и евреи.

Удивляло то, с каким восхищением он говорил о героизме евреев – такое услышать от русского человека в те времена было большой редкостью. Поиски других материалов о Киселеве и его истории ни к чему не привели.

Через некоторое время я нашла упоминание об этом документе в газетной публикации известного исследователя Аркадия Лейзерова[5]. В личной беседе выяснилось, что он больше не обнаружил в архиве материалов, связанных с Киселевым.

Все же я продолжила поиск документов. Постепенно кое-что стало проясняться. Нашлись различные письма – обращение Киселева к другим руководителям партизанского движения в Белоруссии, датированные 1945–1946 годами. В них он доказывал, что группу евреев вывели партизаны под его руководством, а не другие люди, приписывающие после войны эту заслугу себе.

Любопытно, что в документах, связанных с историей партизанской бригады “Народные мстители”, руководство которой (по словам автора писем) и отправило его с евреями через линию фронта, не было ни слова об этом. А ведь описание деятельности партизанских отрядов и штаба этой бригады, описание всех боевых и хозяйственных операций, проводимых партизанами с 1942 по 1944 год, в документах НАРБ сохранились.

И вот в одном из писем Киселева 1944 года я обнаружила указание на обратный адрес: Москва, Бабушкин переулок, дом 4, Академия внешней торговли. Можно было предположить, что каким-то образом он связан с этим учебным заведением. Однако такого переулка в Москве уже не было, как и названного учебного заведения. Пришлось отыскать специалистов, которые хоть что-то знали об Академии внешней торговли. Одновременно я разыскивала в московских военкоматах данные о дивизиях добровольцев, защищавших столицу осенью 1941-го, так как Киселев в одном из документов указал, что в начале войны добровольцем ушел на защиту Москвы, был ранен, попал в плен, бежал и оказался в Белоруссии.

Все это выяснялось в беседах с москвичами по телефону и добавляло к уже известным фактам очень немного. Возможности поехать в Москву не представлялось, и поиски новых данных о Киселеве и его истории продолжались в Минске.

Так прошло более года. За это время я ознакомилась с историей Холокоста в деревнях бывшей Вилейской области, особенно района, где действовала партизанская бригада “Народные мстители”, в которой воевал Киселев. Но нигде не было и намека на события, о которых он писал в письмах в Белорусский штаб партизанского движения.

Постепенно стало понятно, что группа, которую выводили партизаны, состояла в основном из евреев – жителей Долгинова и Ильи[6]. К сожалению, поиски в этих населенных пунктах

---

[4] Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984), видный советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1938–1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б)Б. В 1942–1944 гг. начальник ЦШПД. В 1944–1948 гг. председатель СНК БССР. Автор книг по истории партизанского и подпольного движений в годы войны. С 1950-х гг. находился на различных партийных и дипломатических должностях СССР.

[5] Лейзеров А. Через линию фронта // Авив (Минск), 2000. Июль. С. 11.

[6] До 1940 г. оба поселения имели статус местечек, в 1940-м получили статус деревень.

людей, переживших Холокост, ни к чему не привели. Подтверждений невероятной истории не находилось…

Не желая прекращать собственное расследование, я начала поиски выходцев из Долгинова и Ильи через Белорусское землячество в Израиле.

И тут произошло, казалось, невозможное.

В мае 2003-го в Музей истории и культуры евреев Беларуси, который я возглавляла, пришел элегантный мужчина, уже немолодой, явно приезжий, говоривший по-русски с заметным акцентом.

Обычно я расспрашивала посетителей – откуда они и что их интересует. Зачастую ответы на подобные вопросы становились началом интересных семейных или иных историй, содержащих важную информацию для музейной экспозиции или архива. Но в тот момент я как раз собиралась уходить. И совсем было ушла, однако что-то заставило меня вернуться.

Подойдя к мужчине, я задала обычный вопрос: “Откуда вы приехали?” Он ответил, что живет в США. Тогда я изменила вопрос и спросила, где он жил до войны. Гость улыбнулся и сказал, что я не могу знать этого места, так как это небольшая деревня километрах в 100 от Минска. Я была настойчива. И он ответил: “Долгиново”.

Я сразу же спросила: “Знакома ли вам фамилия Киселев?” Мужчина изменился в лице: “Откуда вы знаете эту фамилию?” Не отвечая на его вопрос, я повторила свой и тогда услышала: “Я и моя семья обязаны этому человеку нашим спасением”. Мужчина был настолько поражен, что кто-то знает о Николае Киселеве, что некоторое время его даже пришлось успокаивать.

Мы договорились встретиться на следующий день и продолжить разговор.

И вот на следующий день Шимон Хевлин, так звали бывшего долгиновского жителя, почти пять часов волнуясь рассказывал о том, что происходило с его семьей и другими евреями Долгинова в 1941–1942 годах. Немало важного и интересного сообщил он и о Николае Киселеве. Именно со слов Шимона передо мной впервые предстал образ человека, который в высшей степени ответственно отнесся к поручению – вывести многочисленную группу евреев, от 3 до 60 лет, в основном стариков, женщин и детей, с оккупированной территории через линию фронта на Большую землю.

Повествование Шимона местами воспринималось как легенда или фантазия, а не как реальность, свидетельства очевидца. В первую очередь это касалось заботы Киселева о больных стариках и детях во время трудных переходов, выпавших на позднюю осень и зиму 1942-го. Я знала об очень сложном отношении к евреям и антисемитизме, процветавших в партизанских отрядах, поэтому не слишком-то верилось, что партизаны действительно стремились помочь евреям.

Необходимо заметить, что группа шла по территории, занятой врагом. Причем люди двигались только ночью, ели лишь то, что Киселеву со своими людьми удавалось выпросить, часто под угрозой, у местных крестьян. А накормить надо было не 10 человек, а более 200.

И все-таки, несмотря на весьма важные свидетельства Шимона, который к тому же дал адреса и номера телефонов других участников событий, живших в Израиле и США, доказательств явно не хватало[7]. Не было главного – официальных документов (не принадлежащих Николаю Киселеву), из архива, подтверждающих, что событие действительно происходило и что людей в самом деле вывели и спасли.

Также необходимо было узнать о судьбе самого Николая Яковлевича. Ведь неизвестно было ни откуда он родом, ни когда родился…

[7] Евреи, участники похода под руководством Киселева, чьи воспоминания приводятся в книге, в конце 1940-х годов как бывшие польские граждане (жившие в Польше до 1939 г.) смогли эмигрировать из СССР в США и Израиль.

Поиски в архиве в Минске продолжились. Из “Личного листка по учету партизанских кадров”, заполненного Киселевым в августе 1945-го, удалось узнать, что родился он в деревне Богородское, недалеко от Уфы, в 1913 году, в семье крестьянина. Дальнейшая его военная биография и то, как он попал в д. Илья Вилейского района, было известно из его письма Пантелеймону Пономаренко.

Летом 2003-го я находилась в Казани – в отпуске. Оттуда по телефону связалась с Благовещенским райисполкомом Башкирии – очень хотелось узнать, проживает ли в Богородском кто-либо из Киселевых. Мне дали телефон местного музея. Однако там ничего не знали. Через несколько дней я позвонила опять. На этот раз мне ответили, что жителей с такой фамилией в Богородском сейчас нет.

Вскоре я нашла в НАРБ другое письмо Киселева одному из руководителей партизанского движения Белоруссии – с той самой припиской о его учебе в Москве в Академии внешней торговли.

С того времени начались поиски в Москве.

После разнообразных консультаций мне удалось попасть на прием к начальнику Департамента управления делами Министерства экономического развития и торговли РФ. Чиновник, с которым мы проговорили дольше, чем можно было предположить, дал разрешение на ознакомление с документами из архива министерства – ведомственного хранилища, закрытого для сторонних исследователей.

Так передо мной оказалось личное дело Николая Яковлевича Киселева, в котором нашлись ответы если не на все, то на очень многие вопросы.

Жизнь и деятельность этого замечательного человека открылись в документах и фотографиях. Но самой важной и долгожданной находкой, позволяющей поставить точку в многолетнем исследовании удивительной истории, явился документ, который все же обнаружился в НАРБ. Это приказ Белорусского штаба партизанского движения от 14 января 1943 года о награждении денежной премией группы партизан под руководством Киселева за “вывод из немецкого тыла 210 еврейских семей”.

Так официально – официальней некуда! – подтвердилась вся эта история.

Через некоторое время я прилетела в Израиль, где познакомилась с несколькими участниками уникального перехода и записала их воспоминания. Это позволило значительно полнее восстановить историю Марша жизни, который под руководством белорусских партизан смогли осуществить беглецы из разных гетто Минской области.

Например, мне не давали покоя вопросы: “Зачем Киселев писал столько писем разным адресатам из руководства партизанским движением об одном и том же – о своей деятельности в Белоруссии: руководстве подпольной организацией в д. Илья и о переходе с евреями? Что он пытался доказать? Почему именно руководство партизанской бригады «Народные мстители» решило предпринять переход такой большой группы евреев через линию фронта?” К тому же следовало выяснить, делали ли что-либо подобное другие партизанские отряды. Надо было разобраться и в отношении к этому переходу руководства Белорусского штаба партизанского движения.

Минуло еще несколько лет, прежде чем нашлись новые документы, отражающие нелегкую борьбу, которую вели в 1944–1946 годах Николай Киселев и Николай Рогов, командир и комиссар похода, с руководством белорусских партизан, которое всячески стремилось доказать, будто сделанное Киселевым и его товарищами не является чем-то особенным и не требует особой награды.

Помимо документов из НАРБ помогли в разгадке непростого вопроса и материалы из личного архива Героя Советского Союза и бывшего комиссара партизанской бригады “Народ-

ные мстители” Ивана Тимчука[8], в 2009 году предоставленные мне его сыном, Борисом Тимчуком. В частности, в датированных 1946 годом воспоминаниях Иван Тимчук подробно рассказывает о евреях-партизанах своей бригады и упоминает о факте вывода группы евреев партизанами бригады. Большой интерес представляет и его переписка с друзьями-партизанами, относящаяся к 1950–1960-м годам.

Позже я узнала и о воспоминаниях долгиновских евреев, опубликованных в книге “Память. Долгиново”, вышедшей на иврите в Израиле в 1980-х годах.

Подготовка книги о белорусских евреях-партизанах “Встали мы плечом к плечу” также помогла найти новые интересные материалы, помогающие лучше понять отношение партизан к евреям.

Только после выяснения всего этого массива вопросов можно было решить, что исследование завершено, что прочитана еще одна, неизвестная ранее, страница истории Холокоста белорусских евреев.

Сегодня пришло время рассказать об этой истории подробно.

В уникальном сюжете военных лет отразились и переплелись трагические и невероятные ситуации, связанные с историей перехода группы белорусских евреев через линию фронта, с не менее сложными и драматическими судьбами тех, кто их спасал, – белорусских крестьянских семей и партизан.

Основное место в этой книге занимают документы и различные материалы, связанные с Маршем жизни. Но для того чтобы современному читателю были в полной мере понятны история и значение этого перехода, необходимо представить, что же происходило с еврейским населением на оккупированной территории Белоруссии в 1941–1944 годах, как относились к нему в этот период окружающее местное население и партизаны. Почему в официальных списках партизанских бригад и отрядов Белорусского штаба партизанского движения, вышедших летом 1944-го на соединение с частями Красной армии, освобождавшей Белоруссию, не было ни одного боевого еврейского партизанского отряда. Ведь известно, и это подтверждают архивные документы, что таких отрядов в 1942–1943 годах насчитывалось более 10. Почему столько лет никто – ни партизанское руководство, прекрасно осведомленное об этой истории, ни Киселев и его товарищи, ни евреи, спасенные ими, не рассказывали о пережитом?

Эта книга и призвана ответить на заданные (и не заданные) вопросы.

Восстановление неизвестного факта важно не только для создания более полной истории белорусских евреев в годы немецкой оккупации, но и для заполнения некоторых белых пятен белорусской историографии о войне в целом, среди которых и непростой вопрос о положении еврейского населения республики в тот период.

[8] Иван Матвеевич Тимчук (1901–1982) до 1941 г. – директор зверосовхоза в Вилейской области. С первых дней войны – в подполье, затем в партизанах. Один из инициаторов помощи партизан еврейскому населению. Автор многочисленных публикаций о партизанском движении в Белоруссии.

Местное население и евреи на территории оккупированной Белоруссии. 1941–1944 годы

Уничтожение белорусских евреев

До конца 1980-х – начала 1990-х годов большинство публикуемых материалов о периоде оккупации республики немецкими войсками отражали требования официальной партийной историографии и пропаганды. Именно поэтому с 1990-х годов многие события военных лет потребовали пересмотра. Особенно это касалось темы, закрытой для изучения и публикации при советской власти: евреи на оккупированной территории Белоруссии в 1941–1944 годах.

Белорусская историография на протяжении многих десятилетий тщательно исключала эту тему из справочных, научных и мемуарных изданий. Десятилетиями участие евреев в подпольной и партизанской борьбе в Белоруссии в годы войны замалчивалось. Это способствовало возникновению в общественном сознании ошибочного представления о том, что евреи не сопротивлялись и не участвовали в борьбе против оккупантов, в то время как фашисты тотально уничтожали еврейский народ.

Сам термин “Холокост” не использовался в официальной белорусской историографии. Лишь к концу 1990-х начали появляться статьи об уничтожении евреев в белорусских городах и селах, о невыносимых условиях жизни в гетто, о борьбе евреев в подполье и в партизанских отрядах. И даже сегодня в официальной историографии республики сохраняется тезис о том, что трагедия евреев в годы войны была частью трагедии белорусского народа. А ведь хорошо известно, что белорусов оккупанты по этническому признаку не уничтожали.

Интересный факт, подтверждающий этот тезис, приводится в статье, опубликованной в журнале Arche в 2013 году:

> Хотя геноцид евреев не отрицается, авторы этого тезиса пытаются показать, что славян в войну постигла одинаковая с евреями судьба. Таким образом, бросается вызов принятому в мире пониманию того, что нацисты намеревались уничтожить только евреев. В марте 2007 года экстремистская Партия национал-большевиков в Беларуси, официально не зарегистрированная, обратилась в посольство Германии в Минске с требованием признать геноцид белорусского народа в годы войны. Они также призывали провозгласить 22 марта (день уничтожения жителей Хатыни) днем памяти геноцида славян. Похоже, что к этому шагу национал-большевиков подтолкнуло решение ООН в 2005 году ежегодно отмечать 27 января (день освобождения Освенцима) как Международный день памяти жертв Холокоста[9].

Один из компетентных белорусских исследователей отметил в своей работе:

> К стыду и сожалению, не только простые граждане, но и историки боятся признать: больше всего от немецкой оккупации пострадали евреи[10].

[9] Гужон А. Партизаны и геноцид Второй мировой войны в белорусских нарративах памяти // Arche (Минск), 2013. № 2. С. 99.

[10] Татаренко А. Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах, 1921–1954. СПб., 2006; Лашкевич К. TUT.BY, 2009. 28 июля. В сети: http://charter97.org/ru/news/2009/7/28

В Беларуси установлено свыше 500 мест, где в годы оккупации было уничтожено, по данным различных источников и исследователей, от 600 тысяч до миллиона евреев из Белоруссии и беженцев из Польши. Столь значительное расхождение в оценках отчасти связано с отсутствием точных данных о численности еврейского населения до войны. Согласно переписи, проведенной в январе 1939 года, в БССР проживали 375 092 еврея (6,7 % населения). После присоединения в конце 1939 года пяти областей Западной Белоруссии: Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской, где на 1 января 1941 года проживали 404 500 евреев (8,4 % населения), еврейское население Белоруссии резко увеличилось[11]. Однако различные довоенные миграционные процессы: польские евреи, бежавшие в БССР после оккупации страны немецкими войсками, частичная их депортация в восточные районы СССР, переезд евреев восточных областей БССР в западные – изменили демографическую ситуацию в республике.

Что же касается проблемы выяснения количества погибших здесь евреев, то сделать это весьма сложно по нескольким причинам: очень часто немцы указывали общее число уничтоженных жителей того или иного места без обозначения национальности. Но даже в случае, когда было известно, что в этом месте уничтожены евреи конкретного населенного пункта, сложно было узнать, сколько среди них евреев из других мест, так как из небольших деревень и местечек жителей концентрировали в гетто крупных городов. Кроме того, в Белоруссию были депортированы и здесь уничтожены около 90 тысяч евреев из девяти европейских стран: Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, Франции, Чехословакии.

По мнению белорусского исследователя Евгения Розенблата, только на территории западных областей Беларуси уничтожено от 528 до 569 тысяч евреев[12].

Евреи восточных областей Белоруссии имели больше возможности спастись, так как у них оставалось около недели до вхождения немецких войск на эту территорию. Однако советская власть, зная об отношении немцев к евреям, не задумывалась об организации эвакуации этих людей. Да и всех других. Организованно эвакуировались, и то частично, некоторые заводы, фабрики, предприятия вместе с сотрудниками, а также советские и партийные руководители.

Первые несколько дней войны руководство республики практически не предпринимало никаких мер по спасению людей. Было даже приказано регулярно выходить на работу и не поддаваться панике. И только через несколько дней, когда столица республики – Минск – почти полностью была разрушена немецкой авиацией, а партийное руководство республики ночью сбежало из города, ничего не сообщив населению, началось хаотичное бегство жителей из городов и деревень в восточном направлении.

Многие из евреев, попавшие затем в эвакуацию, покидали свои города и местечки самостоятельно. Но таких оказалось немного, ведь за исключением Могилевской и Гомельской областей, немецкие войска 26–28 июня 1941 года уже заняли большую часть Белоруссии. 28 июля немцы вошли в Могилев, а еще через месяц – в Гомель, после чего вся республика оказалась занятой немецкими войсками.

Из-за стремительного наступления войск вермахта евреи западных областей не смогли спастись, так как эвакуация в этих районах почти не проводилась.

Вот что вспоминает о своей неудачной попытке эвакуироваться бывший житель местечка Куренец Вилейского района Залман Гуревич[13]:

---

[11] Татаренко А. Недозволенная память… С. 67.

[12] Розенблат Е. “Окончательное решение еврейского вопроса” в западных областях Беларуси. 1941–1944 гг. // Евреи Беларуси. История и культура. Сборник статей. Вып. 5. Минск, 2000. С. 140.

[13] Залман Гуревич родился в 1924 г. в м. Куренец Вилейского района. Активно участвовал до войны в еврейском молодежном движении “Хашомер Хацаир”. С первых дней войны один из организаторов еврейского подполья, активно участвую-

Все население было в панике. Вера в то, что многохвальная Красная армия мгновенно победит немцев, была разбита полностью через два дня. Вильнюс был бомбардирован, а также Молодечно. Немцы подходили все ближе, Красная армия начала отступать.

Вокруг царило большое смятение. Чиновники, члены партии и их семьи были первыми, кто бежал на восток железной дорогой из Вилейки, на грузовиках и лошадях. Кругом были плачущие дети и багаж. Толпы людей напирали в направлении старой советско-польской границы, в их глазах читались страх, смятение и неопределенность…

Мы покинули городок на велосипедах. Перед отъездом из городка мы остановились на мгновение на Долгиновской улице, обернулись назад, и мое сердце дрогнуло. Увижу ли я еще моих родителей? И что станет с моим любимым маленьким городком?

Мы добрались до соседнего поселка Речки в восьми километрах от Куренца. Там мы встретили некоторых из нашего городка. Мы встретили также начальника милиции из Куренца. Он пытался нас успокоить и попросил нас вернуться назад. Мы не должны поддаваться панике. Мы его не послушали и поехали дальше.

Дороги были переполнены людьми, и на всех лицах видно было горе. Страх был виден в основном у “восточников”, людей с востока, которые были посланы советским государством на работу в Западную Белоруссию. Они привыкли получать приказы, а теперь, без указаний сверху, они были несчастны и беспомощны.

Вечером 25 июня мы приблизились к Долгинову, в 30 километрах от Куренца. Я хотел там остановиться, там у меня были родственники и друзья из “Хашомер Хацаир”[14], вместе с которыми я был в летнем лагере. На рыночной площади я встретил советского начальника Тимчука, с востока, который знал как меня, так и моего отца. Он мне сказал: “Сынок, не слушай других. Иди на восток, не жди”.

Так мы и сделали. Мы покинули Долгиново, поехали в направлении Плещениц, на другой стороне старой польско-советской границы. Мы приближались к старой границе и с нами многие другие. Нам не давали продвигаться вперед.

Граница стала вдруг пересекаема только для “восточников”. Мы ничего не могли сделать. Разочарованные, мы провели ночь в поле.

Рано утром мы увидели немецкие самолеты, летящие в направлении Полоцка. Суматоха была невероятная. Из-за отсутствия других возможностей мы решили вернуться в наш городок, надеясь, что все образуется – и самое главное – вернуться к своим семьям.

И снова та же картина. У тех, кто ехал или шел на восток, была надежда, у тех, кто двигался назад на запад, лишь тоска, разочарование, примирение с судьбой.

щего в борьбе против нацистов. С 1943 г. и до освобождения Белоруссии Советской армией в партизанах. Имеет правительственные награды за участие в партизанской борьбе. В 1949 г. с семьей через Польшу уехал в Израиль. Автор воспоминаний о деятельности еврейской подпольной организации м. Куренец “Сопротивление и борьба”.

[14] “Хашомер Хацаир” (на иврите – “Юный страж”) – молодежное сионистское движение, целью которого являлась подготовка еврейской молодежи к переселению в Эрец-Исраэль и к жизни в киббуцах (сельскохозяйственных коммунах).

> Мы возвращались в Куренец. 26 июня мы пришли назад. Немцы еще не дошли. Евреев охватывал растущий страх…[15]

В списках эвакуированных евреев, составленных Центральным справочным бюро в Бугуруслане в октябре-ноябре 1941 года, значится 222 тысячи евреев, прибывших из Белоруссии (8,9 %)[16]. Таким образом большинство белорусских евреев оказалось под оккупацией и стало жертвами Холокоста.

Уничтожение евреев в республике проходило в несколько этапов. Первый – от июля до конца 1941 года, второй – в течение 1942-го и третий – с января по октябрь 1943-го.

В первый период, к январю 1942-го, были уничтожены почти все евреи восточных районов, исключая Минск, где гетто просуществовало до сентября 1943 года. Ускоренное уничтожение еврейского населения в этой части БССР объясняется тем, что местные евреи рассматривались нацистами не только как евреи, но и как “жидобольшевики”, активисты советской власти, которых требовалось уничтожить в первую очередь!

Уничтожение евреев в Западной Белоруссии проходило с февраля 1942 до лета 1943 года, а осенью 1943-го были ликвидированы еще остававшиеся в живых узники гетто Глубокого, Лиды и Минска.

После войны прошло много лет, но и сегодня открываются все новые факты геноцида белорусских евреев. Сейчас, пожалуй, трудно найти человека, который не знал бы, хотя бы в общих чертах, правду об уничтожении евреев фашистами. И многие при этом задаются вопросом: “Почему же евреи не сопротивлялись, не убегали, а покорно шли на смерть?”

Люди, задающие подобные вопросы, не подозревают, что еврейское сопротивление существовало даже в страшных условиях гетто и концлагерей, что тысячи людей, ежедневно рискуя жизнью, выполняли задания подпольных организаций, являя собой примеры героизма и в гетто, и в партизанских отрядах.

Теперь уже известно, что в белорусских лесах сражалось более 10 еврейских партизанских отрядов, среди которых наиболее многочисленными были отряд Тувье Бельского (около 1200 человек) и отряд № 106 под руководством Семена Зорина (более 700 человек), что более чем в 40 гетто существовали подпольные организации и их узники выходили в лес с оружием, а в Несвиже, Клецке, Лахве и Глубоком узники гетто оказали вооруженное сопротивление оккупантам и их пособникам.

Сопротивлялись евреи в гетто и без оружия. Духовное сопротивление нечеловеческим условиям существования, созданным оккупантами, стремление выстоять, не потерять человеческое достоинство, выжить, спасти себя и своих близких – такое поведение в условиях гетто можно приравнять к подвигу.

При этом спастись без помощи местных жителей было практически невозможно. Между тем оккупация существенно изменила характер взаимоотношения еврейского и нееврейского населения Беларуси.

---

[15] Гуревич З. Сопротивление и борьба. Воспоминания о подпольной и партизанской борьбе евреев из Куренца. Рукопись. С. 6–7. Фрагмент 1. (Архив И. Герасимовой.)

[16] Смиловицкий Л. Эвакуация и бегство из Турова. Лето 1941 г. В Сети: www.jewishfreedom.jimdo.com

Отношение местного населения к евреям: помощники, коллаборанты, наблюдатели

С первых дней оккупации нацисты насаждали антисемитскую пропаганду, отождествляя евреев с коммунистами и обвиняя их во всех тяготах и лишениях, которые пришлось пережить местному населению при советской власти. Уровень антисемитизма жителей республики во многом зависел от того, каким он был до войны.

У населения западных областей, присоединенных к БССР в 1939 году, вражда к советской власти соединилась с ненавистью к евреям, и их антисемитизм усилился. Многие местные жители видели в немецкой армии освободителей от советской оккупации и с радостью принимали ее приход, поддерживая различные действия новой власти, в том числе в отношении евреев.

В Восточной Белоруссии, несмотря на то что более 20 лет здесь преобладала интернациональная политика, отношение местного населения к евреям существенно не отличалось от ситуации в западной части республики. В отчете штаба командования Гиммлера о деятельности 2-й бригады СС в Восточной Белоруссии отмечается:

> 5 августа 1941 года…Позицию населения в районе Витебска, Орши, Могилева можно охарактеризовать как дружественную по отношению к немцам… Белорусское национальное самосознание фактически не существует. Открытого антисемитизма тоже не существует… Однако в целом среди населения росли ненависть и злость к евреям, и оно соглашается с деятельностью немцев (создание гетто, принудительные работы и т. д.), но они не способны взять на себя инициативу в части обращения с евреями…[17]

Руководители партизанского движения признавали антисемитские настроения населения восточных районов Белоруссии как фактор, который необходимо учитывать при проведении пропагандистской работы.

Вот что писал в отчете в апреле 1943 года руководитель могилевского подполья Казимир Мэттэ:

> В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности.
>
> Остальная часть населения, советски настроенная, сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, не сделав ни одной, хотя бы стихийной, попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны.
>
> Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места, установили круговую поруку между собой, часто позволяли себе нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением

[17] Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945) // Днепропетровск – Москва, 2007. С. 610.

к ответственности за малейшее выступление против еврея и т. д. И вот теперь евреи тоже ждут помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают, говорили они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.